Цена 7 коп.

ВЕСЕЛЫЙ ТКАЧ

№ 7 „ИЗДАНИЕ РАБОЧЕГО КРАЯ" 1924 г.

ВЫБОР НЕВЕСТЫ.

Французская буржуазия желает, чтобы в новом правительстве были меньшевики—социалисты.

ФРАНЦУЗСКИЙ БАНКИР.—Эта социалистическая краля мне по-нутру. Она мила, от нее не пахнет рабочими портянками и за ночь она недорого просит: один портфель в министерстве.

Любовь—книга золотая.

Васька Зудов, сидя за столом в пивной, раскусывая соленый сухарик и, цедя сквозь него пенистое пиво, говорил своему собутыльнику—Кольке Шарыгину:

— Теперь насчет свободы любви, куда вольготнее: захочу взять купчиху,—на купчихе женюсь, захочу дворянку—на дворянке... дело это не мудрое.

— Да какая дура за тебя пойдет?

— Пойдет, голубь мой. Что называется, пойдет самая первосортная; свобода—как захочу, так и будет; потому—не старое время...

— Ну брат, насчет женского пола ты не толкуй; они народ капризный...

— А я тебе говорю, что теперя не то. Это раньше—иду я один раз, а впереди какая то мамзеля, я значит взял, да и кашлянул. Обернулась она и говорит:

— Нахал!

— А я говорю:

— Я мамзеля Вам не махал...

Я это так себе, спросту, а она в серьезном духе:

— Какое—говорит—ты имеешь право так вульгарно выражаться?

Ну, сейчас же полицейского и прочее. Таким образом и отмахал я три дня в участке...

— За оскорбление и теперь можно быть в ответе.

— Помилуй. Какое же оскорбление? Я ведь кашлянул ненароком. Стало-быть время такое было: у нее кровь на 12 золотников благородства имела,—потому шоколад, конфекты употребляла, а после революции, значит, такая же черноватая кровь потекла,—как наша...

— Чепуху, приятель, ты несешь...

— И не чепуху. Кузьму Перепелкина знавал?

— Как не знать.

— Жену его Полину, дочку дяди Пафнутия тоже знавал?

— Вот куда хватил! Теперь ее и в помине нет.

— Как нет?

— Другая. Самая, что ни на есть разлюли малина.

Знавал ты предводителя дворянства Залагулина, что на углу Поплавской улицы дом имел?

— Как же. С нашей фабрики мимо дома каждый день ходил.

— А видел ты, когда к нему дочка какого то генерала гостить приезжала?

— Видел. Она по вечерам, бывало, часто на балкон выходила.

— Ну вот. Идем мы раз с Кузьмой Перепелкиным с фабрики, а она на балконе, на втором этаже, цветы из какой то штуки поливала. У Кузьмы глаза сразу разгорелись. Дюже он был до бабьего пола охочим. Говорит он мне шопотом:

— Вот, брат ты мой, товарищ-то!

Только мы это к балкону приблизились, она как ливанет водой из этой штуковины, из которой цветы поливала, так и облила нас с головы до головушки... а сама как захохочет! Когда мы отошли, а Кузьма то Перепелкин и говорит:

— Видишь, заигрывать начинает...

Потом это годика три прошло—революция. Кузьму, значит, в депутаты, а из депутатов в комиссары. Приходит она, эта самая генеральская дочка, худущая такая,—потому тогда у них тут же конфисковали все, и говорит Кузьме.

— Господин товарищ комиссар, с голоду помираю, нельзя ли на службу, а то ни пайка, ни карточек не имею. Он узнал ее и спросил:

— А помните вы тогда водой то на меня ливанули?

Она испугалась, задрожала и со слезами:

— Извините, говорит, господин товарищ.

Он, знамо, сейчас ей службу секретарскую и ответственный паек по 3-й категории.

А потом и пошло. Сейчас он большая шишка. Давно уже на ней женился. А теперь, как он придет домой со службы, она ему на рояли романсы и другие штуки выбивает, а как перестанет бренчать, так кинется на шею и скажет:

«Любовь—книга золотая».

Анатолий Слепченко.

Добились своего.

Кооператив в селе Миловском, Тейковского у., накидывает на предметы первой необходимости 10%, на керосин и деготь до 90%, на мануфактуру до 35%, крестьяне возмущены.

КРЕСТЬЯНИН.—Будет, приятель. Всего облепил своими горчишниками. Терпеть больше нет сил.

Летняя картинка.

По случаю летнего времени работа в клубах замирает, секции пустуют.

РАБОЧИЙ:—Попробуй, пройди в читальню мимо такого страшилища. Придется метлой здесь почистить.

Из записок эмигранта.

Понедельник.—Ночью снова приснилась Россия. Будто сижу в саду Аквариум. Музыка играет, на открытой сцене шансонетка, а я ужинаю. Со мной моя милая птичка мадемоазель Сури (где то она теперь?). Я целую ее нежное ушко, а она хохочет, плутовка. После ужина будто бы поехали за город... о, проклятая действительность!

Вторник.—Ночью приснился еврейский погром в Одессе. Проснулся—увы—это был сон. Горько заплакал.

Среда.—Вчера приснилось, будто я в своем имении. Мужики пришли поздравлять с приездом, я произнес речь о священной собственности, они крикнули „ура!", я выдал им на два ведра вина, они стали качать. Тут я от волнения проснулся, увидел стены своей теперешней комнаты и горько заплакал.

Четверг.—Из боязни, что приснится Россия, вчера не спал, крепился до утра а потом, к сожалению, уснул и мне снова привиделась Россия. Будто я у Тестова в ресторане ем блины со свежей икрой, семгой, балыком. Но—увы - это был сон. Чорт возьми, какая тоска жить в России только во сне.

Пятница.—Всей колонией служили благодарственный молебен по случаю появления в России холеры и чумы. Ночью приснилось, будто моровая язва истребила большевиков и я в освобожденной России ем бараний бок с кашей, заливного поросенка и другие вкусные вещи...

О, Россия, мать моя!

Суббота.—Конечно, я верный сын России, настоящий патриот, который не забудет никогда, никогда своей дорогой родины.

Вчера приснилось, будто я продал очень выгодно пять десятин леса в своем имении и собираюсь заграницу, в Биарриц.

А вот теперь мы все время живем заграницей в разлуке с милой родиной. О, родина! С каким наслаждением я послушал бы цыган у Яра! Ох!

Воскресенье.—Праздник, а на душе тоска. Бывало, в России в этот день отправляешься к обедне, потом вместе с духовенством едешь к себе домой есть свежие, душистые, вкуснейшие, прелестнейшие пироги. О, как тяжело быть в разлуке с родиной! Прискорбная новость. Холеры и чумы в России нет и там все благополучно. Ох!

Скопировал Максим.

Из глубины души.

(Письмо в редакцию).

Почто журналы и газеты
На духовенство льют клеветы?
Днесь паки вопию и паки:
Пусть у зловредного писаки
Отсохнет дерзкая рука!

Священник Промыслов Лука.

Непорядок.

На шуйской бирже труда зарегистрирован безработным священник Алеев из Ильинской церкви.

(Газета «Серп и Молот»).

БАТЯ:—Никакого порядку. У меня одышка, а изволь ходить на отметку к товарищам. Кабы не льготы с налогами, да не пособие—плюнул бы я им в глаза.

Скромная повесть об Иване Иваныче.

Иван Иваныч—мой знакомый,
Добрейший, искренний старик,
Никем еще не превзойденный
Спец канцелярских заковык.
Среди бумаги и чернил
Он свой, как в Ниле крокодил.
В былое время терпеливо
В Управе лямку он тянул,
И тридцать лет под ним ворчливо
Скрипел один и тот же стул.
За тридцать лет труда герой
Имел медаль и геморой.
Когда ж невиданное знамя
Великий утвердил Октябрь,
Иван Иваныч рухнул на мель.
Как бурей раненый корабль.
Все перепутались пути..
Что делать? Как себя вести?
Гражданская война... картошка...
Паек... разруха... сахарин...
Он сожалел порой немножко
О прелестях былых годин.
И даже уповал слегка
На Врангеля и Колчака.
Хотя ему при власти новой
Служилось не в пример легко,
Но, ежели придется к слову,
Как не ругнуть большевиков?—
Они, уж как там ни верти,
У европейцев не в чести!
Пошла торговля полным ходом,
Засуетились поезда
И трубы фабрик и заводов
Запели снова гимн труда,
Вновь появился на столе
Давно желанный белый хлеб.
Да, белый хлеб! В нем больше силы.
Чем в самых пламенных речах.
Он обывателя в мозг жилый
Стучится лучше кирпича;
А рыночное серебро
Бьет под девятое ребро.

В день первомайский вновь я встретил
Иван Иваныча—в рядах.
Он шел со знаменем, был светел
Взгляд старых глаз, рука тверда.
С толпой, как юноша, шагал
И пел Интернационал.
Теперь уж крепко верит, знаю,
Советской власти мой старик
И заграничным злобным лаем
Он не смутится ни на миг.
— «Шесть лет мы держимся, шесть лет
«Теперь нас трудно одолеть!».

Н. Кимай.

* * *

Я—изгнанница из пустыни—
Допиваю последний портвейн.
Властвуют в мире отныне
Революция и Эйнштейн.
Последние пьяные стихи я
Разливаю в рюмочки всем.
Ты смирилась, моя стихия,
И скоро поумнеешь совсем.
Теперь и в любви нерасчетливой
Хозяйственный важен расчет,
И я отмечаю заботливо
Курс сердечных банкнот.
Вчера такой то убыток
Потерпела от ревности я,
Дипломатической лаской покрыта
Сегодня потеря моя.
Да здравствует экономика
На заводах наших сердец,
Да царит в песенных томиках
Инженер,—страсти спец.

Анна Баркова

Электрификация.

«Крестьяне с. Иванцева, Середск. уез., задумали использовать водяную мельницу для электрификации села».
«Раб. Край», № 113.

Раньше жили в темноте,
А с Советской властью
Стали мы совсем не те:
Рвемся к свету, к счастью.

Почитали мы газет—
В головах потемок нет.
Братцы, самый светлый свет—
Это агитация.

Жили-были мы впотьмах,
А теперь во всех домах
И в проснувшихся умах—
Электрификация!

Не видали мы ни зги,
А с Советской властью,
Осветив свои мозги,
Мы стремимся к счастью.

А. Троцкий.

Свято место не бывает пусто.

В Иванове снесли церковь Александра Невского.

— Ну, чтож! Гнездо разорили, другие остались. Проживем, небось, на доходы от Воздвиженской, Покровской и других фирм.

Заяц.

— Тссь, псть, гражданин хороший, товарищ милый, скажи пожалуйста, —да ты не пугайся, я—заяц, что, друх, кондуктора билеты проверяли?

— Проверяли!

— Хорошее дело, теперь без опаски можно. Дозвольте, я вылезу... Покорнейше благодарю за участие... Позвольте уж покурить, милый товарищ, от вашей папироски?... Покорнейше благодарим!...

Ой, спинушку разломило. Верстов полтораста под лавкой пролежал. Свернулся кренделем так и плыл...

Скула вот сильно ноет. Какой-то лешай сапожищем ткнул в вывеску...

Ну, да что поделаешь, не обижаюсь. Такая моя планида. Бывает и хуже. Один раз на полном ходу выпрыгнул, другой раз на полном ходу меня выбросили кондуктора. Страх и два ужаса... Обратите благосклонное внимание ваше на мою шею... Отчего шея вспухла? На каждой, почесть, станции кулаками ее мылят. Потому признали меня злостным пассажиром и постановили пощады не давать. Что поделаешь! Фортуна такая. Я не ропщу-с...

Дозвольте папероску, гражданин хороший?... Чувствительно благодарю...

Куда еду, спрашиваете?... А куда привезут. У меня ни дома, ни отечества, ни жены, ни родителей. Сирота. Дадут хлебца добрые люди—поем, не дадут—водичкой сыт...

Из монашеского звания мы—так что привыкли к посту и покаянию...

Ах, какая жизнь пречудесная была в нашем монастыре. Благочестие, послушание, святость. А питание, гражданин хороший, какое было прекрасное. Бывало, от дам купеческого сословия всякое почтение и подарки. Позвольте еще папироску, почтенный товарищ... Премного благодарен. Ежели верующий вы, пошли вам Господи, а ежели не признаете религии, осуждать не стану.

Эх, кабы теперь прежнее время, пошел бы я с тарелочкой медной по градам и весям. На построение храма отлично жертвовали... Каюсь, товарищ любезный, храма никакого не строилось, а можно сказать, тарелочка вроде вечного кошелька была. Три-четыре гривенника живым манером настреляешь, а монаху больше и не надо.

А вот как товарищи произвели нас в чин паразитов, лишив чина ангельского, другая жизнь пошла. Сколько унижений вынести пришлось за то, что мы трудящимся элементом не состояли. А мы действительно к черному труду неспособны были. Одышка мешала. Наша специальность была молитва, пост и послушание. На этот счет у нас строго было. Помню, однажды апостола в церкви читал. Смотрю, меж строчек пятнышко черное. Вгляделся и вижу сбоку карандашем приписано:

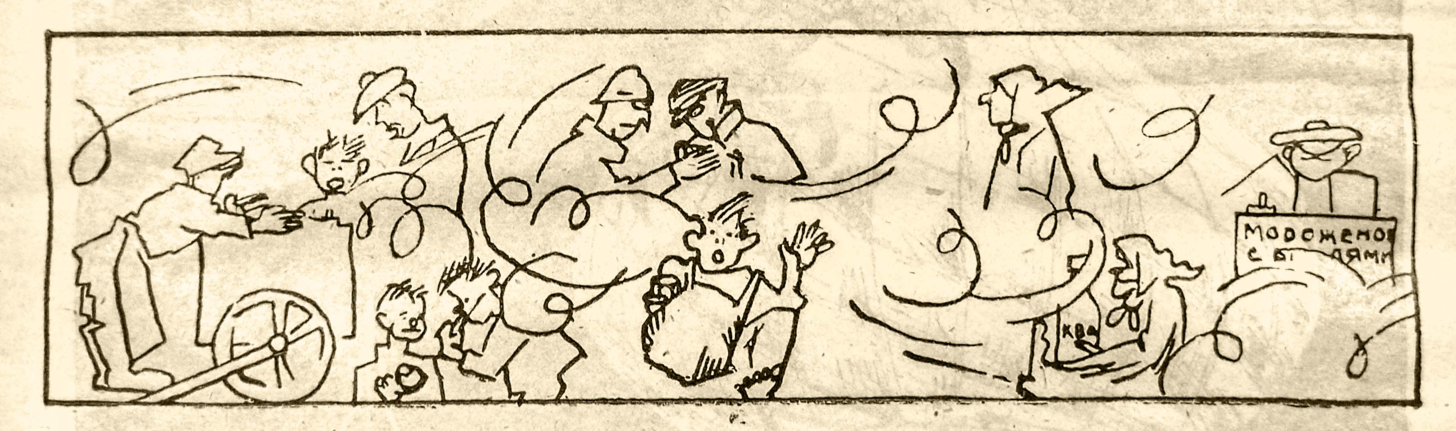
«На месте сем раздавлена блоха, мир праху ее».

Не выдержал я, рассмеялся громогласно по причине той, что хмелен был. Так отец настоятель пятьсот поклонов заставил меня за смех отбить. Конечно, я соврал ему, будто исполнил наказание а все-таки можете понять, какие у нас строгости были. Ежели выпить захочется, в полночь—и где нибудь под лестницей. Ежели на свидание к даме, через ограду ночью. Сурово было, но приятно...

Тссь, кажись, снова контроль. Выйду-ка я лучше за дверь. Счастливо оставаться, гражданин хороший. Что-с? Бумажник потеряли? Поищите под лавкой, а я тороплюсь. Гражданин, посторонитесь, дайте пройти скорее. Тетенька, прими влево. Дяденька, прими вправо. Мальчик, подайся, прыгну я сейчас... Рискну ради бумажника. Р-а-аз!..

Минор—ов.

Базарная благодать.

Родная картинка.

«Каждый год при разделе покосов у крестьян происходят стычки и драки. Волземкомиссии в нынешнем году должны предотвратить их».
Письмо из деревни.

Красным полымем
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туман стелется.
На цветном лугу
Мужики шумят,
Мужики галдят,
Канителятся.
— Это наш покос!
— Ваш ли? полно-ка!
— Восемь лет назад
Мы косили здесь.
— А по рылу хошь?
— Эй, Сергей, не трожь,
Худо будет...—Что-ж,
Бей!...—И вдарю!... Хлесь!...
Стоном стонет луг,
Косы звякают.
Как трава, кругом
Люди падают.
Ни заря—краса,
Ни туман—роса,
Ни цветы в лугу
Их не радуют.
Земкомиссии,
Эта песня—вам.
Пусть прикончится
Неурядица,
Пусть без драк-косят
Мужики траву,
Пусть земля не в кровь,
В зелень рядится!

С. О-кий.

И без бога— до порога!

«В Каликинской избе-читальне, Середск. узда, происходил многолюдный антирелигиозный диспут, закончившийся полным посрамлением попов».
Из корреспонденции.

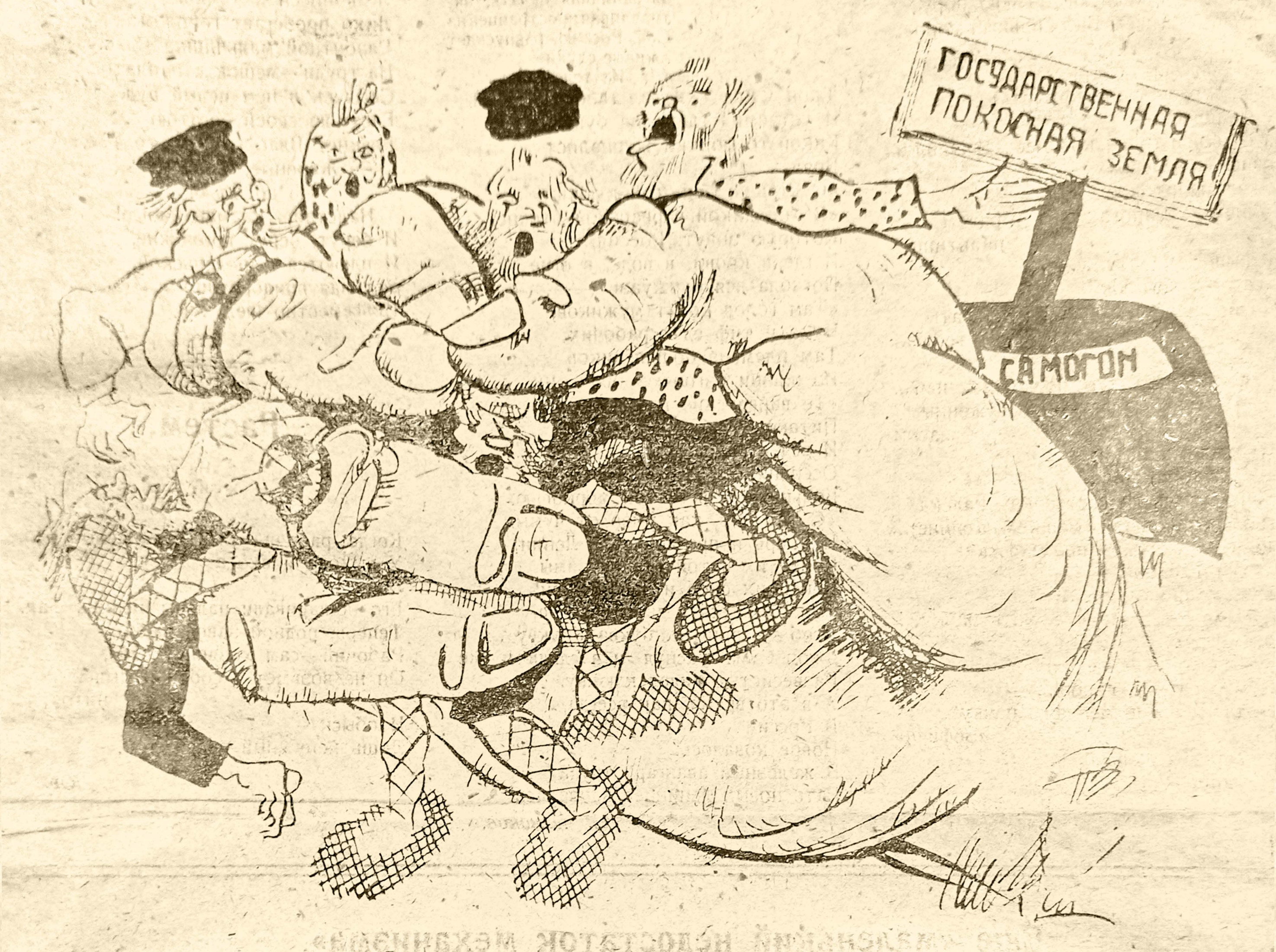
Друзья, мы слыхивали много
Пословиц, сложенных про бога.
Их выдумала темнота:
— Без бога, де, ни до порога!...—
Но вера в бога
Изжита
И мы теперь живем без бога.
Пред нами—светлая дорога,
Над нами-ж светит вместо бога
Лишь солнечная высота!

С. Ч.

Кулацкий зажим.

Крестьян деревни Агафоново, Адищевской вол., Кинешемск. у., давят кулаки. За государственную покосную землю требуют самогон, обирают бедняков, противников своих избивают.

«Раб. Край».

КРЕСТЬЯНЕ.—Караул, все соки выжал этот кулак с перстнями!

Сказка и жизнь.

I.

... Вышел Иванушка-дурачек в поле и крикнул:

Сивка—бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит.

Влез Иванушка Сивке в одно ухо, из другого вылез и стал таким хорошим да пригожим, что загляденье!

И не узнать прежнего Иванушку-дурачка!..

... Мелкому дельцу Еропегову круто повезло на бирже.

Вышел он на улицу и крикнул проезжавшему мимо автомобилю:

— Эй, шоффер! В Гум!

Через пять минут он был в Гуме. Зашел сначала в бельевое отделение, затем в отделение готового платья, в обувное, побывал во всех отделениях и, зайдя напоследок в парикмахерскую, вышел из Гума таким молодым, что только ну!

И не узнать прежнего торговца воздухом! Настоящий солидный нэпман!

Все извозчики бросились к нему, давя прохожих и крича:

— Пожа.. ваш.. сияс...

II.

... И тогда Аладин потер свою волшебную лампу.

В облаке дыма явился ужасного вида дух и спросил громовым голосом:

— Что угодно тебе, господин?

— Я хочу быть за тысячу верст отсюда.

— Слушаю и повинуюсь. Садись ко мне на плечи, господин, и держись крепче.

— Когда мы там будем?

— На третий день к вечеру.

И страшный дух понесся, как птица...

... Дипкурьер Иванов приложил к уху телефонную трубку:

— Когда отлетает самолет на Тегеран? Через полчаса? Отлично.

Через 23 минуты автомобиль доставил его на аэродром. Легкий Юнкерс был уже готов к отлету.

— Скажите, пожалуйста, т. летчик, когда мы будем в Тегеране?

— В 2 ч. 55 м. ночи.

Иванов забрался в уютную кабину, удобно расположился и закурил сигару.

Аэроплан слегка вздрогнул и через несколько секунд несся по воздуху подобно чудовищной птице...

Н. Кимай.

Красная песня.

Пускай зияет
Оскалом мертвенным фашизм,
Мы не боимся!
Нам сияет
Земное солнце—
Коммунизм.
Фашизм—тюрьма. Фашизм—решетки,
Застенки, цепи и колодки,
Фашизм — железная узда.
Но грянет час:
Грознее бурь мы
Рассыплем тюрьмы
Навсегда!
Взовьем багряные знамена!
Вперед! За нами миллионы
Рабочих масс.
Они спешат к знаменным зыбям.
Мы меч из лап фашизма выбьем.
Вперед! На бой!
Кто против нас?

С. Юрьевский.

Папиросник.

(По Некрасову.)

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из дому вышел. Был сильный мороз.
Гляжу:
Поднимаясь в соборную гору,
Ребенок-разносчик кричит:
— Папирос!..—
На слабой и тоненькой шее мальчишки
Повис на веревках—
Тяжелый лоток..
В больших сапогах и в дырявом пальтишке

Он вышел на стужу...
А сам—с ноготок.
— Эй, дядя, послушай! как звать тебя?...

— Власом!...
— А что, у отца-то большая семья?...
— Отца я не знаю,—простуженным басом

Ответил малютка;
— Семья-же моя...
Убогая мать да сестренка—калека
(Под поезд попала с мешком на спине)...
Обоих считаю за полчеловека:
В торговле они—
Не помощники мне...
Так, может, возьмете хоть пачку?...
Вот «Ира»,
Вот «Ада», «Дюшес»...
(Ну, и лют-же мороз!...)—
Он продал мне мерзлую пачку «Зефира»

И двинулся дальше, крича:
— Папирос!...

А. Троцкий.

Опять развесистая клюква.

«Враждебная С.С.С.Р. заграничная печать, натравливая иностранцев на Сов. Россию, распускает лживые слухи».
Из телеграмм.

Джон Смит схватил газетный лист
И устремил глаза на буквы,—
Какой-то бойкий журналист
Врал
«О стране тенистой клюквы».
«В той дикой варварской стране,
Которую зовут: Россия,
И где в крови, в воде, в огне
Погибла вся буржуазия,—
«Там голод косит мужиков,
Чума и тиф едят рабочих,
Там племена большевиков
Из жизни изгоняют прочь их.
«Те варварские племена
Питаются одною кровью,
И вся страна
Осенена
Большой развесистой морковью.
«С тех пор, как умер от чумы
Их царь и предводитель Ленин,
Конец их в той стране зимы,
Конец их скор и несомненен!..
«Он близится в дыму, в огне,
Чтоб совершиться буква-в-букву»...
Джон Смит заснул и в сладком сне
Развесистую видел клюкву.
А в это время, как всегда,
В России
Новое ковалось:
В железный авангард труда
Рать новых ленинцев вливалась!

С. Челноков.

Мальчик Влас.

Босиком, с открытым воротом,
Живописен и чумаз,
Лихо пробегает городом
Разбитной мальчишка Влас.
На груди—мешок с заплатою,
Семячек в нем целый пуд.
Глоткою своей богатою
Рявкнет Влас то там, то тут:
— Жареные, каленые
По воробью!
Налетай,—карман набью!
И берут, берут прохожие,
И плюются день-деньской,
Устилая придорожие
Повсеместно шелухой.

Н. К-ай.

Растем.

«На фабриках происходит отмена обысков».
«Раб. Кр.»

Когда рабочий был бесправный раб,
У выхода и входа
Завода
Его обшаривали пальцы цепких лап.
Теперь, родной завод любя,
Рабочий—сам хозяин у себя.
Он не возьмет с собой и пыльных ниток,—
И обыск—
Лишь ненужный пережиток.

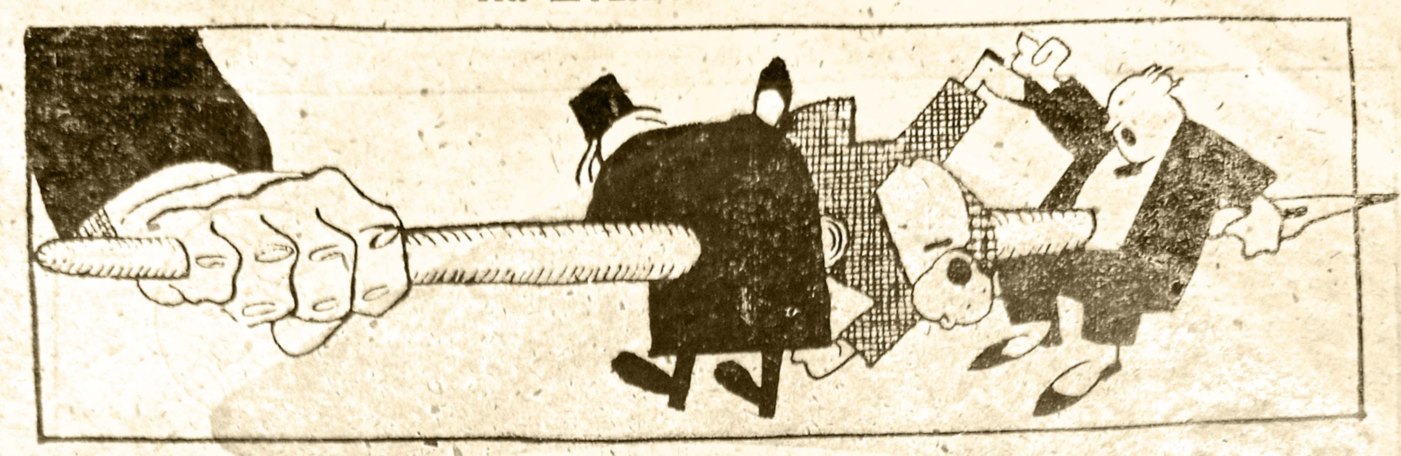
С. Юр.

Еще «маленький недостаток механизма».

ФУТБОЛИСТ:—Какая жалость, что у человека только одна голова и две ноги. Пары ног на одну игру едва хватает, а голова постоянно в трещинах и заплатах.

На штыке Веселого Ткача.

Светлые головы в темной деревне.

Рабкор № 11 сообщил нам, как работает в деревнях Кохомская драматическая студия.

Студия решила изобразить в деревне Колесницы Кохомской волости, «Суд над самогоньщиками».

Мужички собрались в школе посмотреть кохомских трезвенников. Открывается занавес.

— Суд идет,—возвещает глашатай со сцены.—Встать!

Встали мужички и вытаращили глаза: на сцену выползли на карачках вдребезги пьяные драматические судьи, свидели, обвинители, потерпевшие.

— Вот так суд!—ахнули мужички.

Мужики не поняли, в чем тут дело. Очевидно, не найдя себе хороших возжей в Кохме, пьяная драмстудия поехала искать на себя управу в деревне. Но мужики не сообразили захватить с собой свои кнуты и суд не состоялся.

Допотопное ископаемое.

Во входящей книге «Рабочего Края» обнаружен этот редкий и к счастью единственный экземпляр вымирающего бюрократического чудовища. Вот он:

Р. С. Ф. С. Р.

К. В. Д.

НАЧАЛЬНИК Иваново-Вознесенской уездно-городской Советской Рабоче-Крестьянской Милиции. Мая 22 дня 1924 г. № 225

В контору редакции „Рабочий Край“.

При сем препровождаю деньги в сумме (3-х) коп. за взятую газету № 107 от 19 мая 1923 года в архиве вашей редакции.

Надзиратель 1 отд. Кузнецов.

Ведь без затей, попросту занести при оказии три копейки в контору—тяжело. Гораздо легче так: взять бланк, сесть за машинку, напечатать, дать подписать, занести в исходящую, проставить число и номер, взять разносную книгу и занести бумажку в нее, послать рассыльного, который пришел в контору газеты, дал расписаться в своей разносной об исполнении, а принявший бумажку должен в свою очередь ее во входящую, три же копейки отнести к бухгалтеру, который должен в свою очередь... словом, пошла писать губерния, благо ноги, перья, чернила, бумага, да время дешевле трех копеек.

Анохину — «Как мы упразднили букву ять» не пойдет. Никто теперь не помнит, что это за насекомое такое.

Е. Березкину.—Одна из многих, похожих на эту, фраз Березкина:

«Принимая же во внимание вее вышеизложеннное Сережей Мумриковым его родители, однако, никоим образом не могли дать своего согласия, ибо обстоятельства сего дела таковы»...

Обстоятельства таковы, гражданин Березкин, что вы утонули в канцелярских чернилах и нас с читателем намерены утопить. Не дадимся.

Рабкору из Кохмы.—Материал использовали, посадив драмстудию «На штык Вес. Ткача».

Чумазому А.—Слабо.

И. П. Передано в «Рабочий Край».

Благому, Пименцеву, Студенту, Деревенскому жителю.—Присылы плохие, не для веселого журнала.

Н. Кимаю.—«Насморк» не пойдет. „Дневник библиотекарши“—возможно—что напечатаем в газете.

А. Стулову. — Открытие сделал Стулов и, конечно, в стихах:

«Хотите докажу,

«В году тринадцать месяцев».

Напрасный труд. В году только семь месяцев.

Кинешемское меню.

Сегодня состоится открытие сада профсоюзов. Буфет, кухня, вина, пиво!

«Привол. Правда».

РАБОЧИЕ.—Гм.... Ножки, ветчина в малаге. А когда же профсоюзы будут кормить нас хорошим культурным кушаньем для рабочих?

Типо-литография «Красный Октябрь» К-го Т-ва «ОСНОВА». Иваново-Вознесенский Гублит № 855 Тираж 3500 экз.